

Миграционная политика Туркменистана: преобразование экономики и общества

Гулшат Шмайссе

Кандидат наук, Австралийский национальный университет, Центр арабских и исламских исследований.

Аннотация

Миграционный режим Туркменистана породил парадокс.

Государство зависит от эмиграции. Денежные переводы фактически превратились в систему социального обеспечения, поддерживая потребление домохозяйств в условиях инфляции и ограниченной государственной поддержки, маскируют структурные слабости экономики и снижают давление в пользу экономических реформ.

И несмотря на это, государство ограничивает эмиграцию, ужесточая контроль через задержки выдачи паспортов и непрозрачные административные процедуры, вынуждая мигрантов прибегать к нелегальным маршрутам.

Как государство одновременно препятствует тому, от чего зависит?

В этом материале утверждается, что ответ частично кроется в том, кто именно в этих условиях в итоге эмигрирует. Поскольку мужчины сталкиваются с усиленным контролем на границах и в консульских процедурах, женщины всё чаще становятся основными кормильцами, обеспечивая семьи денежными переводами и выстраивая собственную жизнь за рубежом. Их заработки и транснациональные связи стали ключевыми для выживания семей, хотя сами женщины-мигранты сталкиваются с повышенной уязвимостью из-за правовой нестабильности и социальной стигмы.

Феминизация миграции — это не отдельное явление, существующее параллельно с зависимостью от денежных переводов и ограничениями на выезд. Это то, что порождено противоречием между этими двумя силами. Понимание того, как развивалась данная динамика, необходимо для разработки реалистичной политики в области социальной защиты, трудовой мобильности и регионального управления миграцией.

01 Ловушка миграции

С момента обретения независимости в 1991 году Туркменистан потерял из-за эмиграции почти треть своего населения.

По одной из оценок, в период с 1991 по 2017 год страну покинули 29% жителей. Отдельные источники сообщают, что с 2008 по 2018 год из Туркменистана эмигрировали 1,9 миллиона человек. По ещё одним данным, только в 2019 году было зафиксировано около 110 000 выездов.

Точные цифры установить сложно: Туркменистан — одно из наиболее закрытых государств мира, а его демографические данные в лучшем случае остаются предметом споров.

Большинство туркмен эмигрируют в поисках более высоких заработков и лучших условий труда на фоне устойчивой безработицы на родине. Нехватка возможностей для получения образования и ограничение политической свободы дополнительно подталкивают молодёжь к отъезду. Эти факторы также изменили состав мигрантов: в последние годы всё больше молодых женщин уезжают самостоятельно — это сдвиг, связанный с гендерным неравенством внутри страны и спросом на труд в сфере ухода и домашних услуг за рубежом.

Турция стала основным направлением для туркменских мигрантов. Безвизовый въезд (до недавнего времени), языковая и культурная близость, а также сложившиеся миграционные сети делают её очевидным выбором. Масштаб впечатляет. В период с 2019 по 2022 год граждане Туркменистана составляли 13,8% всех иностранных резидентов Турции, включая 124 478 человек с видом на жительство, 102 344 — с разрешениями на учёбу и 4 913 — с разрешениями членам семей. Учитывая официальную численность населения Туркменистана около 7 миллионов человек (цифра, которую многие оспаривают), можно предположить, что значительная часть граждан страны сейчас проживает в Турции.

Россия остаётся ещё одним важным направлением, особенно для студентов. Число заявок от туркменских студентов выросло с 22 401 в 2016 году до пикового показателя в 49 444 в 2019 году.

Однако с 2022 года миграционные потоки начали меняться. После отмены безвизового въезда в Турцию в 2022 году и потрясений, вызванных вторжением России в Украину, Беларусь стала альтернативным направлением для трудовых мигрантов. В 2024 году в страну въехали около 16 300 граждан Туркменистана.

Параллельно выросла внутрирегиональная студенческая мобильность, хотя и в меньших масштабах. В Узбекистане туркменские студенты составили вторую по численности группу иностранных учащихся — 1 430 человек в учебном году 2024–2025. Казахстан также фиксирует рост: в первом квартале 2025 года въехали 9 510 граждан Туркменистана, а 11 641 имели действующие визы, что сделало их второй по величине группой обладателей визы.

Туркменские студенты присутствуют и в Малайзии, преимущественно на инженерных и нефтяных программах, тогда как Вьетнам стал небольшим направлением для туркменских преподавателей.

Несмотря на то, что геополитические факторы и пандемия COVID-19 могли нарушить миграционные потоки, их основные движущие силы и главные направления в целом остались прежними. Однако состав мигрантов изменился: женщины теперь составляют незначительное большинство среди туркменских мигрантов (52,3%), и этот разрыв со временем умеренно увеличился.

Однако покинуть Туркменистан по-прежнему непросто. Потенциальные мигранты вынуждены преодолевать сложный набор формальных требований, связанными с паспортами, визами, приглашениями, подтверждениями наличия средств, а также нести неформальные расходы, в том числе взятки. Всё это делает выезд одновременно долгим и дорогостоящим.

02 Экспорт рабочей силы, импорт стабильности

На бумаге Туркменистан выглядит исключением на региональном фоне. В соседнем Таджикистане денежные переводы составили 47,9% валового внутреннего продукта в 2024 году, что делает его наиболее зависимой от переводов экономикой в мире. Кыргызстан (17,7%) и Узбекистан (14,4%) также в значительной мере полагаются на поступления из-за рубежа. Богатый ресурсами Казахстан находится на противоположном конце спектра — всего 0,1%.

Для Туркменистана, напротив, имеющиеся данные свидетельствуют практически об отсутствии какой-либо зависимости. Единственная информация от Всемирного банка фиксирует денежные переводы на уровне 0,2% ВВП в 1996 году, тогда как другие оценки предполагают колебания от 0,18% до 0,01% ВВП в период с 2000 по 2018 год. Официальные данные столь же скудны: по имеющимся сведениям, в 2021 году из России в Туркменистан поступил всего 1 миллион долларов.

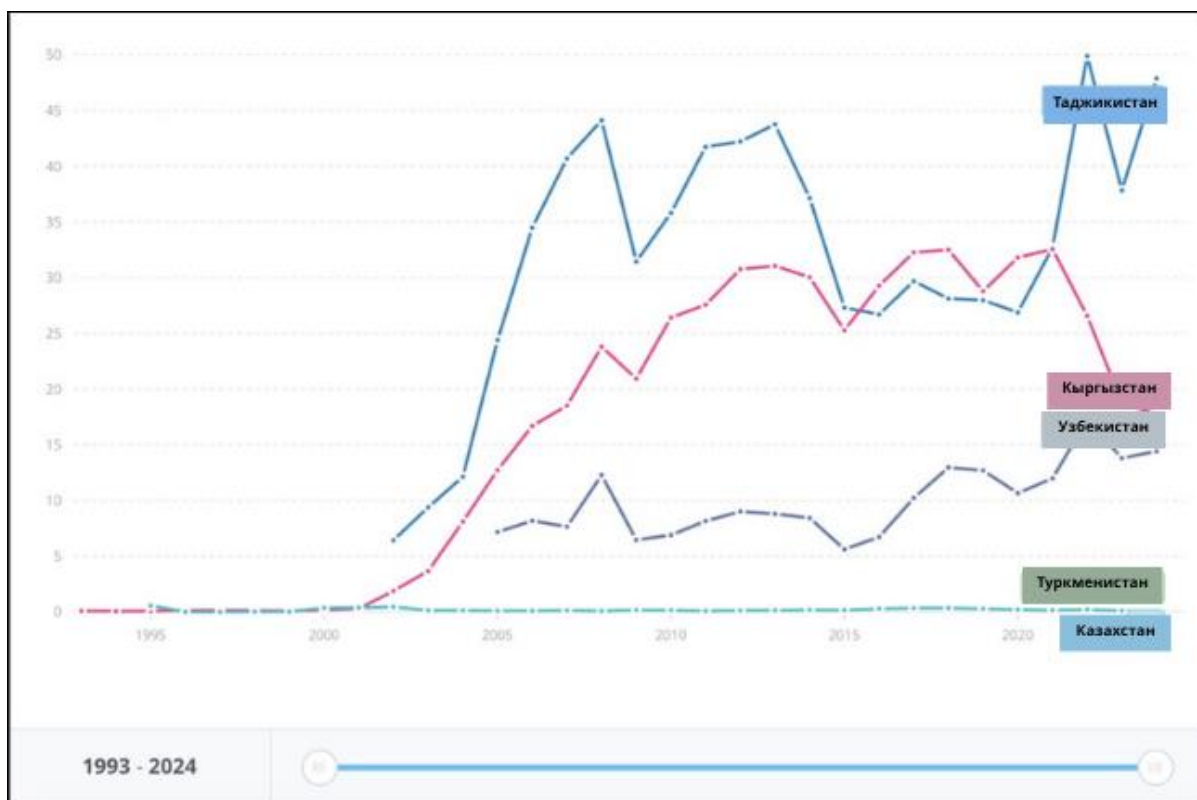

Рисунок 1. Денежные переводы, полученные физическими лицами, в % от ВВП в странах Центральной Азии.

На первый взгляд эти цифры могут свидетельствовать о том, что денежные переводы играют в экономике незначительную роль. На самом деле они говорят скорее об ограниченности данных, нежели о реальных масштабах потоков.

Большинство денежных переводов в Туркменистан никогда не проходят через формальные, отслеживаемые каналы. Вместо этого они перемещаются через неформальные сети, аналогичные системе хавала, где деньги переводятся через доверенных посредников без физического пересечения границ, перевозятся наличными или направляются через счета в третьих странах как Россия или Турция. Поскольку такие транзакции минуют банковскую систему, они практически невидимы для официальной статистики.

Система обменного курса страны усиливает эту непрозрачность. С 2015 года официальный курс зафиксирован на уровне 3,5 маната за доллар США, однако на практике очень немногие могут получить иностранную валюту по этой цене. Взамен возник параллельный рынок, где доллар торгуется значительно выше: около 9 манатов в 2017 году, 15 — в 2019-м и до 40 — в 2022-м. Доступ к долларам по официальному курсу жёстко ограничен и распространяется лишь на узкий круг одобренных операций с установленными лимитами.

Результаты очевидны. Домохозяйства и малый бизнес опираются на неформальный рынок, где переведённые доллары можно обменять по значительно более высокому курсу. Это резко увеличивает их реальную стоимость при поступлении и делает их ключевым элементом повседневного потребления. Туркменистан может не выглядеть зависимым от денежных переводов в макроэкономическом отношении, однако на уровне домохозяйств эти потоки нередко незаменимы.

Несмотря на отсутствие надёжных данных, денежные переводы занимают центральное место в выживании домохозяйств Туркменистана, регулярно компенсируя низкие зарплаты и ограниченную государственную поддержку. Здесь важны не только их масштаб, но и политическая функция. Правительство не признаёт эту зависимость. Вместо этого внешняя миграция фактически подменяет внутренние реформы: она выносит безработицу за рубеж, снижает нагрузку на систему социального обеспечения и помогает поддерживать потребление внутри страны.

03 Управление через ограничение выезда

Туркменистан формально не выступает против миграции. На практике он выстроил разветвлённую систему препятствий для неё.

До пандемии выезд зачастую был несложным. Студентам достаточно было приглашения от университета. Поездка в Турцию не требовала никаких документов вовсе — лишь сбор в \$25, уплачиваемый по прибытии.

С тех пор система стала значительно более ограничительной и применяется неравномерно. Выезд не является ни полностью свободным, ни полностью закрытым — он избирательно управляется, фильтруется и нередко монетизируется.

В основе этой системы лежат три взаимосвязанные логики: (1) политическая фильтрация — блокировка или сдерживание лиц, признанных нежелательными; (2) административный контроль — превращение выезда в дискреционное право посредством непрозрачных и обременительных процедур; (3) финансовое извлечение выгоды, которое повышает стоимость выезда и собирает ресурсы от тех, кто его осуществляет. В совокупности эти механизмы определяют, кто может эмигрировать, при каких условиях и по какой цене.

Ограничения на выезд, произвольные запреты на выезд и внесение в чёрные списки лиц, воспринимаемых как политически нежелательные — это все не новое.

Они являются неизменной чертой туркменского государственного управления со времён независимости при всех трёх президентах, которых страна когда-либо имела.

К первой группе относятся политические деятели, журналисты и другие лица, воспринимаемые как политическая угроза: они несоразмерно ограничены в свободе передвижения и систематически лишены возможности покинуть страну. В 2023 году туркменскому фотожурналисту и номинантку на премию «Женева за права человека» Солтан Ачиловой и её семье было запрещено выезжать за рубеж. Двумя годами позже аналогичные ограничения коснулись журналиста Нургелды Халыкова. Эти ограничения распространяются и на членов семей активистов и политиков в изгнании, проживающих в Туркменистане.

На протяжении нескольких лет туркменское правительство публиковало список «приемлемых» иностранных университетов. Университеты, подозреваемые в пропаганде либеральных идей или взглядов, признанных властями подозрительными, вносились в чёрные списки, а студенты, обучающиеся в них, сталкивались с ограничениями на выезд. В 2009 году подобные меры затронули туркменских студентов Американского университета Центральной Азии (АУЦА) в Кыргызстане и Американского университета в Болгарии: им запретили возвращаться после летних каникул. Эта политика нарушила учёбу примерно 1 500 студентов и внесла многих из них в списки ограничений на выезд сроком до семи лет.

Ограничения на выезд нередко вводятся произвольно. В декабре 2022 года, по имеющимся сведениям, туркменским студентам массово отказали в выезде из Международного аэропорта Ашхабада за несколько месяцев до национальной переписи населения, когда власти особенно чувствительны к появляющимся свидетельствам сокращения численности населения. После отмены безвизового режима с Турцией около 60 турецких супругов оказались разлучены со своими туркменскими партнёрами: граждане Туркменистана, вернувшиеся на родину для продления паспортов, впоследствии столкнулись с запретами на выезд сроком от трёх до пяти лет.

В целом, по имеющимся данным, с 2010 года 37 057 граждан Туркменистана получили запрет на выезд из страны.

Выезд как экономический контроль

Хотя внутреннее законодательство позволяет гражданам Туркменистана, постоянно проживающим за рубежом, получать или продлевать загранпаспорта

через дипломатические представительства, консульские органы регулярно отказывают в таких заявлениях. Это вынуждает граждан возвращаться в Туркменистан и проходить длительные и дорогостоящие процедуры. Вернувшись, они сталкиваются с новым набором ограничений.

Финансовое бремя выезда наглядно демонстрирует принудительный характер системы. По имеющимся сведениям, некоторые граждане Туркменистана платили от \$2 000 до \$5 000 сотрудникам миграционных органов в аэропортах за разрешение на выезд — весьма значительная сумма для страны, где официальная минимальная месячная заработная плата составляет 1 280 манатов (около \$65 по курсу чёрного рынка).

Это порождает фундаментальное противоречие. Возможность уехать нередко зависит от наличия иностранной валюты или внешней поддержки, которую многие домохозяйства получают через денежные переводы. Таким образом, те, кто стремится эмигрировать, могут быть вынуждены использовать деньги, заработанные за рубежом, для финансирования собственного отъезда. Выезд в этом смысле не просто ограничен — он обусловлен предварительным доступом к той самой системе, которую он поддерживает.

Для стороннего наблюдателя все эти уровни документооборота и процедур могут казаться рутинной бюрократией. На практике они функционируют как система контроля. Формальные требования (паспорта, приглашения, визы, обратные билеты, подтверждение наличия средств) соседствуют с неформальными практиками (произвольные запреты на выезд, чёрные списки и выплаты чиновникам). В совокупности они выполняют двойную политическую функцию: ограничивают выезд лиц, признанных нежелательными, давая дорогу достаточному количеству миграции для обеспечения выживания домохозяйств за счёт денежных переводов.

Благожелательная интерпретация всего этого могла бы свестись к выводу о том, что речь идёт просто о работе плохо организованного государства, неспособного наладить документооборот. Но хаос функционален. Государство не стремится остановить миграцию полностью, потому что оно нуждается в денежных переводах.

Оно хочет контролировать кто, когда и на каких условиях уезжает. Делая выезд дискреционным, а не невозможным, оно может блокировать тех, кого считает нежелательными, позволяя при этом продолжаться достаточному потоку миграции, чтобы денежные переводы не прекращались. Дисфункция и есть замысел.

04 Феминизация туркменской миграции

Схема этой системы привели к последствиям, которых, возможно, не были предусмотрены и которые начинают изменять туркменские социальные нормы, что чревато серьезными последствиями.

Женщины теперь составляют растущую долю, а в ряде случаев и большинство туркменских мигрантов. Эта тенденция наиболее заметна в Турции, где они сосредоточены в домашнем труде, уходе за людьми и занятости в сфере услуг. В частности, в Турции женщины составляли 47,3% туркменских мигрантов в 2019 году, а к 2024 году этот показатель вырос до 53,3%. Данная закономерность не ограничивается одним направлением. Женщины неизменно составляют более половины туркменских мигрантов в России с 1990-х годов, что свидетельствует о более широком структурном сдвиге в динамике миграции.

Феминизация миграции обусловлена рядом постоянных негативных факторов внутри самого Туркменистана.

По данным организации Progres — туркменской некоммерческой организации, — женщины по-прежнему плохо репрезентированы в политическом руководстве: они занимают лишь 24,8% мест в нижней и 27% в верхней палате парламента. Вместе с тем они составляют большинство в одних из наиболее эксплуататорских секторов экономики: женщины представляют 90% сборщиков хлопка, из которых 78,4% лишены юридического оформления и сталкиваются с тяжёлыми условиями труда и питания. В низкооплачиваемых секторах как образование, сфера услуг, сельское хозяйство, сохраняется гендерный разрыв в оплате труда в 23% в пользу мужчин.

Гендерное насилие также влияет на решения о миграции. Каждая четвёртая женщина в Туркменистане сталкивалась с насилием дома или в общественных местах, тогда как 65% жертв оправдывают насилие вследствие укоренившихся социальных норм, ограниченной институциональной защиты и недоверия к властям.

Складывающаяся картина представляет парадокс. Маргинализация женщин в туркменском обществе одновременно становится движущей силой их экономического самоутверждения за рубежом, пусть и ценой разлучения с семьёй и замкнутости в низовых профессиональных секторах.

Новые гендерные миграционные тенденции

Факторы в странах назначения усиливают эту тенденцию. По имеющимся данным, турецкие работодатели более отзывчивы к потребностям женщин, нежели

туркменские работодатели, что отчасти объясняет, почему Турция стала основным направлением как для трудовых мигрантов, так и для лиц, ищущих убежища.

В период с 2001 по 2019 год организация Progres зафиксировала 1 847 туркменских женщин и 929 мужчин, обратившихся за убежищем в Турции, а также 1 677 женщин и 290 мужчин — в Германии. Несмотря на обесценивание турецкой лиры, Турция остаётся особенно привлекательной благодаря языковой близости, устоявшимся связям, относительно доступным рынком труда и сравнительно безопасным миграционным маршрутам.

Феминизация миграции — явление не новое и не уникальное для Туркменистана, однако её масштаб и движущие силы отражают особую внутреннюю динамику. Всё чаще туркменские женщины эмигрируют самостоятельно, а не в целях воссоединения семьи. Ле Гофф отмечает, что женщины-мигранты из Восточной и Центральной Азии, особенно из Беларуси, Кыргызстана и Туркменистана, превышали численность мужчин в странах ОЭСР ещё с середины 2010-х годов. Согласно последним научным данным, эти мигрантки с большей вероятностью остаются за рубежом на длительный срок или постоянно. На практике это меняет уклад домохозяйств, трансформируя традиционные роли попечителей, порождает «мобильных сирот» (детей, оставленных на родине) и делает женщин ключевыми источниками денежных переводов. Учитывая, что около 20% молодых женщин и 56% молодых матерей в возрасте 18–22 лет не имеют образования, занятости или профессиональной подготовки (категория NEET), это создаёт мощный импульс для поиска возможностей в других местах. Несмотря на то, что туркменское общество является патриархальным, туркменское правительство исторически ограничивало выезд мужчин в различные периоды, оставляя семьям мало выбора.

Этот сдвиг представляет собой не только осознанный выбор, но и стихийно складывающуюся закономерность, формируемую спросом на зарубежных рынках труда и собственной позицией государства в отношении женской мобильности, которая на практике более либеральна, чем его отношение к мужчинам.

Контраст наиболее очевиден в военной сфере. Как сообщалось в 2025 году изданием Turkmen.News в Амстердаме, министр обороны Туркменистана на протяжении нескольких лет удерживает паспорта у офицеров и сержантов, желающих уволиться со службы, фактически удерживая их в рядах армии. Без паспорта человек не может легально работать, подавать заявления на визы или покидать страну. Поскольку мужчины сталкиваются с подобным усиленным контролем на пограничных переходах и в консульских процедурах, женщины пользуются большей свободой передвижения и всё чаще становятся основными кормильцами, обеспечивающими семьи денежными переводами и строящими собственную жизнь за рубежом.

Эти тенденции меняют демографический облик Туркменистана. По мере того, как всё больше туркменских женщин выбирают иностранных супругов за рубежом, население страны трансформируется и в Туркменистане, и в принимающих

государствах. Так, у 18 432 туркменских женщин есть семейный вид на жительство в Турции. Они занимают второе место после узбечек, но граждане Туркменистана занимают первое место по числу постоянных видов на жительство с 184 229 в 2026 году. Если соотнести эту цифру с независимыми оценками, согласно которым реальное население Туркменистана может составлять всего 2,5 миллиона человек, концентрация столь значительной доли долгосрочных туркменских резидентов в одной стране подчёркивает демографическую, социальную и политическую значимость туркменских миграционных процессов.

Вместе с тем самостоятельная миграция подвергает женщин повышенным рискам, как правовая нестабильность, экономическая уязвимость и угроза торговли людьми.

Туркменистан в этом отношении входит в число самых неблагополучных государств Центральной Азии. По данным Глобальной инициативы против транснациональной организованной преступности, он является как страной происхождения, так и страной назначения для торговли людьми и современного рабства. Туркменские женщины особенно уязвимы перед угрозой быть вывезенными за рубеж для сексуальной эксплуатации, тогда как тенденция трудовой миграции в такие секторы, как сельское хозяйство и домашний труд, создаёт больше условий для принудительного труда.

Это не случайное следствие миграционной ловушки, описанной в этом докладе, а одно из её наиболее острых проявлений.

Рекомендации

Выбраться из лабиринта, описанного в здесь, можно, однако любые реформы, способные реально улучшить положение рядовых туркменских граждан, требуют участия государства, которое не показывает готовность это сделать. Поэтому рекомендации сформулированы с учётом этого ограничения. Каждая из них направлена не только на улучшение положения мигрантов и их семей, но и на создание ощутимых выгод для туркменской экономики и, как следствие, для самого государства. Обоснование реформ носит не только гуманитарный, но и финансово-стратегический характер.

Реформы визового режима, основанные на примерах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, внедривших безвизовые договорённости, могли бы сократить нерегулируемую мобильность и снизить административную нагрузку на граждан Туркменистана, стремящихся получить образование, работу или воссоединиться с семьёй за рубежом. Что немаловажно, легализация мобильности отвечала бы и интересам самого туркменского

государства: формальные каналы передвижения делают потоки денежных переводов более прозрачными, легко отслеживаемыми и, следовательно, более доступными для налогообложения. Это дает правительству предсказуемый источник иностранной валюты в условиях, когда диверсификация экономики остаётся ограниченной. В этом смысле облегчение мобильности — это не просто гуманитарная или административная реформа, но финансово рациональная стратегия, совмещающая благополучие мигрантов с доходами государства.

Механизмы содействия денежным переводам, созданные по образцу партнёрств Кыргызстана с операторами денежных переводов — «Золотая Корона», Contact и Western Union, — позволили бы домохозяйствам получать средства по более безопасным и прозрачным каналам и способствовали бы постепенному сближению официального и параллельного обменных курсов, которое в настоящее время искажает экономику.

Двусторонние или региональные соглашения о трудовой мобильности, включая схемы сезонного труда или взаимное признание квалификаций, такие как казахстанская Система разрешений на трудоустройство, соглашение о защите трудящихся-мигрантов между Узбекистаном и Турцией или схема трудовой мобильности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для граждан Казахстана и Кыргызстана, могли бы обеспечить регулируемые пути миграции, снижающие зависимость от посредников и уменьшающие риски эксплуатации.

Меры социальной защиты семей мигрантов, как целевые субсидии, поддержка в сфере ухода за детьми или доступ к юридической помощи (по образцу Центров помощи мигрантам в Таджикистане и инициативы «Поддержка детей мигрантов» в Кыргызстане), укрепили бы устойчивость домохозяйств и снизили уязвимость, порождаемую зависимостью от неформальных денежных переводов.

Наконец, международное сообщество несёт особую ответственность в отношении туркменских мигранток.

Как показано в этой работе, женщины непропорционально больше подвержены рискам миграционной системы, включая правовую нестабильность, экономическую уязвимость и острую угрозу торговли людьми и эксплуатации. Принимающим странам, региональным органам и международным организациям следует согласовать систему управления,

улучшить защиту туркменских женщин, занятых нелегально или в неформальном секторе, и обеспечив, чтобы процедуры предоставления убежища и вида на жительство учитывали особые обстоятельства, с которыми сталкиваются мигрантки.

В конечном счёте решение миграционной ловушки Туркменистана требует признания миграции не угрозой, а структурным компонентом политической экономики страны, издержки которого в настоящее время несут прежде всего сами мигранты.

CAPS Unlock

Мнения, изложенные в настоящей статье, отражают исключительно позицию автора и не представляют институциональную позицию CAPS Unlock или какой-либо организации, с которой аффилирован автор. CAPS Unlock публикует данную статью как вклад в информированную общественную дискуссию. Факт публикации не означает поддержки анализа или выводов, представленных в ней.

Мы приветствуем отклики, критику и альтернативные точки зрения — в особенности от исследователей и практиков, имеющих непосредственный опыт работы с рассматриваемыми вопросами. Если вы хотите вступить в диалог по материалам статьи, предложить ответный материал или направить свой вклад в раздел «Аргумент», свяжитесь с нами по почте editorial@capsunlock.org или через наш сайт capsunlock.org.